

Т. А. Гридина Т. A. Gridina
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ПРИКОЛЫ «РУССКОГО РАДИО»:
НОВЫЕ ЖАНРЫ МЕДИАДИСКУРСА
В СВЕТЕ ТРАДИЦИОННОЙ
СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

**JOKES OF “RUSSKOYE RADIO”:
NEW GENRES OF MEDIA DISCOURSE
IN THE LIGHT OF TRADITIONAL
HUMOROUS CULTURE**

Аннотация. Анализируется прикол как жанр современного радиодискурса, транслирующий традиции народной смеховой культуры в высмеивании (дискредитации) расхожих истин. Характеризуются механизмы языковой игры, реализующие стратегию общения с адресатом ведущих канала радиовещания «Русское радио». Предлагается типология приколов в свете обыгрываемых ими социолингвокультурных прецедентов и функциональной оценочной ориентации. Основная функция приколов — развлекательно-аттрактивная; в то же время они транслируют и формируют ценностные установки социума.

Abstract. The joke is analyzed as a genre of modern radio discourse, which transmits traditions of national humorous culture in joking (discredit) about popular truths. The mechanisms of language game that introduce the strategy of communication of the announcers of “Russkoye Radio” with the addressee are characterized. Typology of jokes in the light of socio-cultural precedents and functional evaluative orientation is presented. The main function of jokes is entertaining and attractive; at the same time they transmit and form values of the society.

Ключевые слова: медиадискурс; традиционная смеховая культура; «прикол»; радиодискурс; прецедентный феномен.

Key words: media discourse; traditional humorous culture; joke; radio discourse; precedent phenomenon.

Сведения об авторе: Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедр общего языкознания и русского языка.

About the author: Gridina Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of General Linguistics and the Russian Language.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26, к. 281.
e-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

Современная лингвистика ориентирована на фронтальное описание речевой деятельности — во всех ее дискурсивных разновидностях, во всей ее уникальности. В этом отношении показательным является интерес к феномену языковой игры (ЯИ) как особой форме лингвокреативного мышления, в основе которого лежат ассоциативные механизмы, позволяющие создавать новые речевые продукты на базе уже существующих в соответствии с коммуникативными потребностями социума и конкретных его представителей. При этом, проявляя способность говорящих к намеренному использованию нестандартного языкового кода, игровой дискурс характеризуется своей функциональной спецификой в разных сферах речевой деятельности и разных жанрах.

Согласно нашей концепции, коды ЯИ моделируются и «считываются» при осознании говорящими возможности многомерной (многовекторной) интерпретации ассоциативного потенциала разных видов вербальных знаков (прежде всего — слова). Общей (основополагающей) стратегией ЯИ является одновременная актуализация и переключение, ломка ассоциативных стереотипов восприятия, употребления, порождения языковых знаков. Осознание эффекта ЯИ требует от адресата «обнаружения» связи между новым (нестандартным) содержанием и формой игры (продукта, единицы ЯИ) и прототипом, лежащим в ее основе. Операциональные механизмы ЯИ позволяют при помощи специальных конструктивных принципов и лингвистических приемов, нарушающих автоматизм восприятия формы и/или значения вербального знака, создавать соответствующий замыслу говорящего контекст игровой трансформы [Гридина 1996].

Сам характер игровых практик, представленных в речевой деятельности определенного периода, является своеобразным «индикатором» языкового вкуса и культуры представителей разных социальных страт общества (как носителей элитарной, так и носителей массовой речевой культуры). Одна из наиболее востребованных функций ЯИ — комическая, однако ее наполнение, смеховая направленность, может быть различной. При этом комическое начало ЯИ оказывается тесно связанным с рассмотрением смеха как

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00175 «Экспериментальное исследование лингвокреативной деятельности ребенка: игровой потенциал детских словотворческих инноваций».

мировоззренческой, культурно обусловленной категории человеческого «бытия». ЯИ, выступающая особой формой комического, есть одновременно и особая форма коммуникации. Эстетическое переживание комического (смехового эффекта), порождаемого разными способами его создания, свидетельствует «о единомыслии, общности восприятия языка и системы ценностей. На сходстве чувства комического во многом основывается взаимопонимание людей» [Лихачев 2001: 15].

При использовании кодов ЯИ адресант рассчитывает на адресата, способного к считыванию транслируемых игрой смыслов. Важной представляется мысль о нетождественности и множественности функций смехового эффекта, вызываемого разными формами комического. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «смех ... способен постоянно варьировать свой образ, а следовательно, и свою функцию <...> Нейтральное смешное притягательно само по себе, льстивое смешное (например, комплимент) радуется и смешит своего адресата, колкое смешное причиняет боль „уколотому“, ядовитое смешное отравляет душу, **игровое смешное требует ответной реакции** (выделено нами. — Т. Г.), печальное смешное смягчает грусть, интеллектуальное смешное возбуждает мысль, разрушительное и разоблачительное смешное сводит к нулю репутацию человека, опровергает научные и философские доктрины, образное смешное порождает метафоры и т. п.» [Арутюнова 2007: 8].

Комическая составляющая ЯИ может определяться разными интенциями говорящего — от безобидной шутки и каламбура с целью «не быть скучным» (Е. А. Земская), создать комфортные условия для общения до стёба (иронической дискредитации, осмеяния общепризнанных ценностей), эфемизации, граничащей с непристойностью. Так, в частности, карнавализующая направленность комического, восходящая к традициям народной смеховой культуры (Д. С. Лихачев), приобретает в современном социокультурном контексте новые векторы актуализации.

Особый интерес в свете сказанного представляют игровые практики современного медиадискурса.

Предметом нашего рассмотрения являются так называемые «Приколы Русского радио», ставшие частью имиджа данного канала вещания.

В самом общем виде *прикол* можно определить как краткое изречение, построенное с помощью приемов провокативной ЯИ, требующих от адресата дешифровки экст-

ралингвистических и собственно лингвистических импликаций^[1]. Характеризуя данный речевой жанр^[2] более конкретно, подчеркнем следующее: суть *прикола* состоит в том, что некая мысль, передаваемая собеседнику, содержит «подвох», направляющий его по ложному пути, вводящий в заблуждение, вызывающий эффект обманутого ожидания. Такой эффект часто строится на рассогласовании формальной и содержательной сторон речи. Прототипом *прикола* в традиционном игровом (потешном) фольклоре может служить жанр поддевки, нацеленной на розыгрыш собеседника. Например, разговорно-фамильярная реплика «Дай / держи пять!», которая выражает значение приветствия (побуждения собеседника к дружескому рукопожатию), может иметь и иной смысл: «попросить пять рублей займа». Намеренная провокация заключается в возможности подмены значения данной фразы в конкретном акте речи (Скажи: «Дай пять». — Ну, дай пять. — А негде взять). Поддевки «отличаются краткостью и четкостью, строятся исключительно как диалогом, где следует ожидать быть пойманным («поддетым») на слове: Скажи „двести“. — Двести. — Сиди, дурак, на месте. Нередко это острые ответы в рифму. Ср.: Скажи „синица“. — Тебе пора жениться [Skorogovorki.com]. В подобных случаях *прикол* — это своего рода обманка, ставящая адресата в глупое положение, но при осознании намеренности действий партнера, считывании его шуточной интенции эта игра не воспринимается как обидная. Для коммуникантов представляет интерес не только и не столько возможность подстроить «ловушку» собеседнику, сколько занимательность (остроумие) самих кодов ЯИ, нарушающих привычную логику «вещей».

В современном употреблении слово *прикол* выступает как «конденсат» переносных значений единиц словообразовательного гнезда с базовой лексемой *колоть*.

Внутренняя форма лексемы *прикол* отсылает к глаголу *приколоть*, ср. переносный смысл однокоренного *подколоть* «поддеть», а также переносные значения слов *уколоть*, *колкий* (*колкая* острота, сатира, *уколоть* «задеть за живое ироническим замечанием в чей-то адрес»), *говорить колкости* — проявление язвительного остроумия. Ср. также переносные значения дериватов от глагола *приколоть* — *прикалываться*, *приколотиться*, *прикол* и *прикольный*. Согласно одной из культурологических версий^[3], развитие значения слова *прикол* в его современном употреблении могло быть связано с традицией вывешивания (*прикалывания*

к стене) **смешных** лубочных картинок. Плотный эксперимент, проведенный нами со студентами и представителями других групп населения (в том числе среди специалистов-филологов) по толкованию приведенных выше слов, показал следующее понимание специфики данного речевого жанра:

1. *Прикол* — это ситуативная шутка, имеющая цель развлечь окружающих (собеседников); обыгрывание какой-либо типовой ситуации для создания эффекта обманутого ожидания; шутка-розыгрыш. 2. *Прикольно* — привлекательно, смешно; синтез значений «здорово» + «оригинально» + «смешно»; это остроумно, нестандартно, неофициозно. 3. *Приколоться* — это пошутить, посмеяться, возможно, даже **поиздеваться над кем-л. или чем-л.; сыронизировать (над чем-л.), подцепить, отчасти уязвить кого-либо, спровоцировать смех; заинтересовать(ся)**^[4].

Особо подчеркнем тот факт, что лексемы *прикол, прикольно, прикольный, прикалываться* в молодежном жаргоне (и не только) обладают положительным оценочным зарядом. Ср., например, выражения «*мне это по приколу / не по приколу*», актуализирующие значение «*интересно, занимательно/неинтересно*».

Таким образом, в сознании современных носителей языка значение слова *прикол* коррелирует с такими традиционными характеристиками речевых жанров смеховой народной культуры, как розыгрыш, обман, издевка, поданные в остроумной словесной «упаковке».

В современной языковой ситуации этот жанр претерпевает существенные изменения: *во-первых*, «обманная» функция «розыгрыша» уступает место функции моделирования игрового парадокса, создающего эффект «шокирующего» воздействия на адресата; *во-вторых*, расширяется сам тематический «репертуар» так называемых приколов, среди которых оказываются разные субжанры: антипословицы [Вальтер, Мокиенко 2005, 2008], озорнушки, посылки (sic! имеются в виду замаскированные неприличные послылы [Кожевников, Тихонова 2010]), политприколы [Гридина 2011], в основе которых лежат намеренно создаваемые механизмами ЯИ импликатуры; *в-третьих*, жанр прикола «легализуется», выходит за рамки традиционных сфер употребления (игрового детского фольклора и разговорного просторечия), проникая в том числе в медиадискурс.

Таковы, в частности, приколы «Русского радио», ставшие приметой игрового стиля общения ведущих этого канала вещания с радиослушателями (в первую очередь это

касается Н. Фоменко — автора смешных выражений, дозированно «вкрапляемых» в радиопередачи развлекательного характера и перемежающихся с трансляцией серьезной официальной информации).

Рассмотрение специфики данного жанра в сфере радиокоммуникации позволяет наметить новые аспекты лингвопрагматики ЯИ как особой креативной «стратегии» взаимодействия с адресатом.

Основная функция приколов «Русского радио» — развлекательно-аттрактивная, в то же время эта жанровая форма транслирует и, безусловно, во многом формирует ценностные установки современного социума. Это шутки *ad hoc* (по случаю), которые нарушают вероятностный прогноз, опрокидывая ожидаемые реакции адресата на известный ему предмет речи. Экспрессивный эффект восприятия прикола как парадоксального высказывания, содержащего выводимую импликацию, моделируется при помощи конструктивных принципов и приемов ЯИ [Гридина 1996]. Под конструктивными принципами ЯИ нами понимается техника моделирования ассоциативного контекста игры на фоне актуализируемого прототипа. Это принципы ассоциативной интеграции, ассоциативного наложения, ассоциативной выводимости, ассоциативной идентификации, имитации, ассоциативной провокации. Следует оговориться относительно того, что выделение конструктивных принципов и приемов ЯИ в «чистом виде» не всегда возможно: это объясняется их изначально тесной спаянностью, а также взаимодополнительностью в выражении интенции говорящего (адресанта).

Отметим некоторые корреляции техники ЯИ и имплицитных с ее помощью смыслов в приколах «Русского радио»:

1. Создание игровых импликаций по принципу **ассоциативной провокации**, который для жанра прикола является базовым. В основе данного принципа лежит эффект обманутого ожидания. Например: *18 лет бывает только раз в жизни, а 81 и того реже*. Обыгрываемым прецедентным прототипом выступает текст известной песни («В жизни раз бывает 18 лет...»). Синтаксическая (рема-тематическая) инверсия первой части фразы по сравнению с прототипом и переключение числовой символики путем мены цифр (81 год — перевернутое число 18) актуализирует смысл «не каждый доживает до преклонного возраста». Слова из песни (прототип игры) имеют переносную символику: 18 лет — пора любви и молодости, которая невозвратима; игровая трансформация содержит указание на биологический возраст человека. Тематический спектр таких

приколов очень широк, так как это, по сути, основной принцип ЯИ в данном жанре. Ср. прикол, построенный на имитации объявления в газете: *Девушка без образования ищет работу по специальности*. В основе прикола — опрокидывание пресуппозиции «работа по специальности предполагает соответствующее образование» (на рынке труда диплом об образовании — это сильная позиция, сильный аргумент для получения престижной работы). В данной фразе иронически сформулирован некий принцип жизненного существования — достижение благ без особых усилий: комический эффект вызывает несоответствие амбиций и реальных возможностей адресанта (подателя) объявления (интонация жеманного типа это подчеркивает). Кроме того, в приведенном тексте «перевернутая» логика создает имплицитур: специальность, на которую претендует девушка без образования, имеет отношение к одной из самых древних женских профессий.

2. Создание игровых имплицитур сексуальной направленности, что составляет стихию современного юмора, например: *Главное, чтобы киндер не был сюрпризом*. В качестве конструктивного принципа ЯИ, создающего эффект двусмысленности, используется **ассоциативное наложение** (ср. контекстуальное ситуативное переосмысление значения второго компонента прототипической номинации *киндер-сюрприз*: буквально ребенок, рождение которого для мужчины, который не хочет обременять себя детьми и узами брака, является «неожиданным» и нежелательным). Выведению имплицитур подобной тематики способствует и образование гибридных фразем (*Баба с возу — потехе час*): в данном случае **ассоциативная интеграция** как конструктивный принцип ЯИ создает смысл «освободившийся от брачных уз мужчина может предаваться развлечениям в свое удовольствие».

3. Ироническая дискредитация символики ономастики традиционной народной культуры (фольклора). *Вышла Василиса Прекрасная за Ивана Дурака и стала Василиса Дурак*. Имитация комической ситуации смены фамилии при замужестве с опорой на заданный сказочным сюжетом лингвокультурный код и **ассоциативную выводимость** и **идентификацию** оценочной семантики онама и апеллятива.

4. Намеренный эпатирующий цинизм в обращении с прецедентами из сферы «непреодоляемых» ценностей: *Гагарин был первым проходивцем в космосе* (ложно идентифицирующая парадоксальная подмена паронимов *первопроходец* и *проходимец* с раз-

ными оценочными векторами). Ср.: *А зомби здесь тихие* (ср. прототип — повесть Б. Васильева «А зори здесь тихие» — о войне и трагической судьбе героинь-девушек); трансформация прецедента переводит его смысл в русло иронизации над современными фильмами ужасов (это, безусловно, остроумно, но допустимо ли этически?).

5. Обыгрывание гендерных стереотипов обыденного сознания: *Мужчины — женитесь, женщины — мужайтесь!* (**ассоциативная провокация**, содержащая намек на характер семейных отношений; императив *мужайтесь* в данном контексте приобретает двойной смысл: буквальный, соотносительный с выражением *выходить замуж*, и переносный, соотносительный с выражением *набраться мужества*). Ср.: *Баба с возу — потехе час* (контаминация фразеологических оборотов *Баба с возу — кобыле легче* и *Делу время — потехе час*). Ассоциативная интеграция как конструктивный принцип ЯИ создает, как уже отмечалось, следующий смысл: свободный от брачных уз мужчина может жить в свое удовольствие, предаваясь развлечениям.

6. Импликация обценного смысла с использованием эвфемизации: *Диктую большими буквами* (завуалированное обозначение типового выражения с использованием мата). Это пример так называемой посыловицы.

7. Создание «осовремененных» афоризмов (сентенций) по принципу ассоциативной провокации с использованием прецедентных прототипов: *В вине — мудрость, в пиве — сила, а в воде — микробы*. Ср. латинское выражение «*In vino veritas*» («Истина в вине»), ассоциативно коррелирующее с первой частью высказывания, и в целом дискредитацию ценности воды «из водопровода» (в противовес якобы полезным свойствам спиртных напитков).

8. Псевдоположительная оценка как средство выражения шуточной иронии: *Хорошая болезнь склероз — ничего не болит, и каждый день новости*. Импликатура основана на пресуппозиции «склероз — болезнь, при которой происходит потеря памяти, и соответственно любая информация воспринимается как новая для больного».

9. Имитационный принцип в сочетании с эффектом двусмысленности (ассоциативного наложения), например, высказывания, поданные в виде призывов, содержащих политический подтекст, двусмысленность, например, дискредитирующих символику советской эпохи: *Серп и молот — коси и забивай* (см. об этом подробнее здесь: [Гридина 2011]).

Таким образом, источником для создания приколов нового типа становятся прежде всего явления современной социальной и политической жизни, представленные в виде парадоксальных (афористических) предложений: псевдолозунгов, псевдофилософем, максим. В основе таких предложений нередко лежат прецедентные феномены — высказывания, ситуации, тексты, имена собственные, подвергаемые трансформации и оценочной дискредитации, профанизации, шутовому переосмыслению^[5].

Приведенные примеры реализации игровой направленности современного прикола, безусловно, не исчерпывающие его прагматического функционала, тем не менее проявляют «память жанра» традиционной смеховой культуры (в ее карнавализующей ипостаси) в новых условиях коммуникации как особой формы иронической дискредитации расхожих истин, стёба, игры на грани фола, не признающей существования запретных тем.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Ср., например: «Прикол — условное название для достаточно разных по своей „установке“ высказываний. Общим для всех единиц такого рода является представление мысли в парадоксальной форме, что побуждает адресата к декодированию содержащегося в ней прямого и косвенного „смысла“, намека, подтекста, отсылки к конкретной или типовой ситуации и более широкому ассоциативному фону, с ней связанному» [Кожевников, Тихонова 2010].

[2]. Ср.: речевой жанр (РЖ) — «относительно устойчивый, тематический и композиционный тип высказывания (текстов). Будучи культурными формами, РЖ характеризуются следующими основными свойствами: они объективны по отношению к индивиду и нормативны; историчны, вырабатываются людьми в определенную эпоху в соответствии с конкретными условиями социальной жизни; характеризуются особым оценочным отношением к действительности; выполняют функцию интеграции индивидов в социум; многообразны и разнородны; дифференцированы по сферам человеческой деятельности и общения; являются опорой для творчества...» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2006].

[3]. Данная версия была высказана в устной беседе И. Я. Мурзиной, профессором, доктором культурологии, зав. кафедрой культурологии Института филологии, культурологии и межкуль-

турной коммуникации Уральского государственного педагогического университета. Ср.: «Встречаясь в каждой крестьянской семье и небогатых помещанских купеческих домах и будучи прикреплены на стены, они (лубочные картинки. — Т. Г.) составляли первое после икон украшение этих жилищ. Содержание этих лубочных картинок чрезвычайно разнообразно. Среди них встречаются ... сцены, заимствованные из ... поучительных или забавных притчей, ... смехотворные сюжеты, карикатуры на современность... . Остроумие <этих лубочных картинок> довольно грубого свойства: оно то и дело прибегает в этих картинках к очень неэстетическим образам, а в пояснительных текстах так и сыплет непечетными словами» (Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона).

[4]. Выделенные нами смыслы в наибольшей степени отражают функциональную направленность прикола как жанра современной коммуникации.

[5]. Не все приколы можно признать одинаково удачными в плане их этической, эстетической и лингвистической корректности. В каждой шутке должна быть «мера» шутки. Перцептивная яркость приема ЯИ становится очевидной в том смысле, если шутка имеет осмысленный характер и создает ассоциативное приращение при опознании прототипа. Дискурсивный функционал жанра определяет его использование как в традиционном регистре балагурства и острология (с целью развлечения), так и в регистре манипулятивного речевого воздействия (формирования ценностных установок общества).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Эстетический и неэстетический аспекты комизма // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. — М., 2007.
2. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. — СПб.: Нева, 2005.
3. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). — М.: Олма-Пресс, 2008.
4. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. — Екатеринбург, 1996.
5. Гридина Т. А. Языковая игра в жанре политического прикола // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 47—51.
6. Кожевников А. Ю., Тихонова Т. Б. Энциклопедия отечественных приколов. — М., 2010.
7. Лихачев Д. С. Смех как мировоззрение // Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение / Д. С. Лихачев. — СПб., 2001.
8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — М., 2006.
9. Skorogovorki.com. URL: <http://skorogovorki.com/>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.